

СЕРГЕЙ ЛЕСНОЙ

ЧЕРТОВЩИНА
ПОД
ЛЫСОЙ ГОРОЙ

(РАССКАЗЫ)

П А Р И Ж

1 9 5 2

ЧЕРТОВЩИНА ПОД ЛЫСОЙ ГОРОЙ

— Все вы, конечно, знаете, — сказал наш спутник-киевлянин, — что в Киеве есть Лысая гора. Знаете, вероятно, по прекрасному пушкинскому стихотворению «Гусар», помните?:

«Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру;
Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру...»

Каждый преподаватель уж не упустит тут случая рассказать, что Лысая гора, по поверью, — это обиталище всякой чертовщины, что ведьмы и черти справляют там свой «шабаш» и всякое такое прочее...

На деле-же это, по нынешним временам, можно сказать, самый прозаический холм, стоящий над долиной Днепра и Лыбеди, одетый только внизу небольшой рощицей дубов и юстарников (отсюда и название горы), холм со складом взрывчатых веществ, на который не взлетит ни один чорт, ни одна ведьма, — так его стерегут. И, действительно, есть что охранять: огромные запасы пороха и других взрывчатых веществ сосредоточены здесь.

Если-бы в 1918 году, когда на Зверинце поблизости горели склады военных запасов, от детонации взорвались и запасы на Лысой горе тогда... Да, впрочем, это не к делу...

К делу то, что история, которую я расскажу, произошла недалеко от Лысой горы, вернее под ней, и действительно связана с чертовщиной. Произошла она в период 1925-1927

годов, сейчас не упомяну точно когда. Любопытствующий может просмотреть комплект газеты «Вечерний Киев», там есть большой «подвал», как говорят газетчики, т. е. фельетон в нижней части страницы проф. Фаворского на эту тему, это поможет установить более точно дату происшедшего.

Слышал я об этой истории в свое время много, — каждый врал по своему. Так и остался я, в сущности, в неведении, что за чепуха произошла тогда, хотя город гудел о ней добрых месяца два. Судьбе, однако, было угодно, чтобы, возвращаясь с заседания Киевского Общества Естествоиспытателей, мне пришлось пройти довольно значительную часть дороги домой вместе с проф. Фаворским. Не помню уж как, а разговор зашел об этой истории, которую я уже основательно позабыл и не придавал ей особенного значения, и забыл роль, которую сыграл в ней сам проф. Фаворский.

Нужно вам сказать, что Фаворский был неплохим ботаником при университете, но особенно он выделялся своими знаниями в области фотографии. Это был не только замечательный практик, но и отличный теоретик. Это обстоятельство постепенно вовлекло его в другую область работы.

Не раз судебная экспертиза обращалась к нему за помощью в трудных случаях и Фаворский всегда оказывался на высоте. Всякие подделки документов, следы преступлений и проч. давали в его руках, благодаря фотографии, Фемиде неопровержимые доказательства и помогали установить виновных. Частые консультации привели к тому, что в конце концов Фаворский перешел на службу в институт судебной экспертизы и даже одно время был его директором.

Так вот, история с этой чертовщиной, попала в руки Фаворского, так сказать, по служебной линии. Дали ему однажды в руки объемистое «дело» на 143 листах... Знаете, крупные такие листы, для прошений?... и попросили его дорасследовать это загадочное дело.

Прочитал его Фаворский—показания всех сорока с лишним свидетелей, начиная с рапорта агента ГПУ, далее донесение начальника милиции соответствующего района и кончая праздными любопытными, вмещавшимися в это дело, не говоря уже о главных действующих лицах. А, прочитавши, на-

чал снова опрашивать, уже сам, всех свидетелей; и вот, что он рассказал мне.

Здесь рассказчик передохнул, а мы как-то теснее придвинулись к нему и насторожились.

У подножия Лысой горы вдоль линии железной дороги тянется ряд домиков, принадлежащих железнодорожникам, мастеровому люду, торговцам на базаре и т. д. Всё это типичные домишки в 3-4 комнаты с непременными геранями и фуксиями на окнах и патриархальными обитателями, которых на языке старорежимной России называли «мещанами».

В одном из таких домишек, заключавшем в себе две квартиры, жила пожилая одинокая женщина с жилицей, в другой квартире, через переднюю, жил начальник милиции местного района, лицо официальное.

Все шло тихо, спокойно, размеренным порядком, как много лет до революции. Хозяйка и жилица по вечерам шили, вязали, перебирали соседей по косточкам и т. д. С некоторого времени стала приходить к ним и гостя, знакомая жилицы. Всё шло по прежнему, только в довершение удовольствия женщины стали играть в карты и гадать. Игры были самые незатейливые. Начальник района милиции, птица не бог весть какого полета, не отказывался иногда «сразиться» и не брезговал тем, что его партнеры, так сказать, «бабы».

Время шло, была уже середина зимы, как женщины стали замечать что-то странное. Сидят они, болтают, как вдруг что-то или кто-то как-будто постучит. Стукнет раз, другой и замолчит. Открывают иногда дверь — никого нет. Да и звуки какие-то странные: то кажется, что стучат из-под пола, в другой раз из-за стены, в двери и т. д. Стуки в общем тихие и плохо уловимые. Сначала женщины пугались, но после как-то привыкли и думали, что это мороз заставляет трещать деревянные балки дома или, скорее всего, это стучит копытами лошадь начальника милиции, так как конюшня примыкала к стене дома и была на деревянном полу.

С некоторого времени, однако, заметили они, что стуки усиливаются и учащаются. Заметила хозяйка и жилица, что звуки всегда бывают слышны только в те дни, когда приходит гостя, в остальное время все благополучно. Поговорили и об

этом, посмеялись и идет всё по старому, тем более, что стуки в общем негромкие и какие-то неопределенные. Но в один вечер события приняли совершенно неожиданный и резкий оборот.

Было может быть всего 6-7 часов, но на дворе уже стояла совершенная тьма. Пришла гостья, и женщины сели за стол, каждая со своим занятием, со своими рассказами. Сначала всё шло обычным порядком, но вдруг раздается сильный стук, как будто со стороны двери. «Кто там?». Идут открывать дверь в переднюю — никого....

Закрыли на всякий случай дверь в переднюю на ключ. Вернулись и сели.

Через минуту снова явственный, сильный стук, как-будто из-за стены, дальше еще и еще... У женщин сердце застыло, замерли, прислушиваются. Затем загремело что-то на кухне. А квартира, надо сказать, состояла всего из комнаты и большой кухни, дверь между ними для удобства сняли: горит в комнате, — в кухне кое-что видно, да и в комнате теплее от большущей кухонной печи.

Женщины похолодели, заслышав грохот. Можете себе представить их состояние! Наконец набрались храбрости, взяли лампу, пошли в кухню. Глядят: на полу лежит полено, очевидно из кучи, стоявшей рядом у печки, тут-же бродит и кот. — А, чтоб тебя черти забрали! Как напугал проклятый! Выбросили кота за двери, заперли ее, сели снова и немного успокоились.

Вдруг стук из-под пола совершенно ясный, затем еще и еще... То бывало еще сомнение, откуда раздается стук, а тут ясно, как божий день. У женщин дыхание перехватило. Тут грохот... Вздروгнули, схватились друг за друга и так перепугались, что и кричать не могут. Во рту пересохло и язык не поварачивается. Глядят — на полу лежит металлическая мыльница, а находилась она за стеной в кухне на рукоомойнике. Кто-же мог бросить ее оттуда? Как и почему они ничего не замечают? Переглядываются... В голове какая-то тупость, ничего понять не могут. Неужели кто-то шутит над ними?

Но ведь никого нет, и все заперто, только что были в пустой кухне! Тихо... они и не дышат. Наконец опять набрались

храбрости, взяли лампу, снова осмотрели всё в кухне, всё там в порядке и видно, как на ладони. Тихо. Стоят они, осматриваются и ничего не понимают. Под ложечкой холод, виски сжало, в голове какое-то оцепенение... Позвать соседей? — Неловко. Кто-то глупо шутит, неужели поднимать историю только для того, чтобы высмеяли? Да и, вообще, все трое подобрались не очень робкого десятка, страшно им конечно, но они собой владеют.

Постояли, вернулись в комнату, сели, но сидят насторожившись, говорят тихо, почти шопотом, никак не в состоянии уразуметь, что происходит. Снова будто тихие стуки, страшно!... Вдруг грохот: перед ними на полу лежит полено. Тут уж они не выдержали, закричали не своим голосом... и бежать к соседу...

На их счастье начальник района милиции был дома. Вломились они к нему, кричат, дрожат, просят о помощи... Наконец удалось ему немного их успокоить, пошел с ними в их квартиру, на всякий случай взял наган. Всё осмотрели, тихо, ничего подозрительного.

— Ну, это видно вам примерещилось, — говорит он и, чтобы успокоить и рассеять женщин окончательно, предлагает им сыграть в карты. Те согласились, сели, началась игра и перепуг стал незаметно отходить, тем более, что всё вокруг было совершенно тихо. Прошло 10-15 минут, разыгрались... Начальник милиции уже подшучивает над их страхами, они повеселели, но всё-таки начеку. Порой им снова будто слышатся тихие стуки.

— Ну, какие там стуки, — говорит он, — просто конь мой бьет копытом по полу конюшни, а по дереву оно аж сюда отдается. Кому сдавать?

Как всегда в таких случаях бывает, нужно было сдавать ему самому. Сдал он карты. Вдруг ясный стук в дверь.

— Можно, войдите, кто там? — кричит он. В ответ полное молчание.

— Ах, чорт! — выругался он, встает открывает дверь в переднюю — никого... Проверил он наружную дверь — заперта, кроме того во дворе злющая и чуткая собака. Ходит он по передней, в кухне, в комнате, разглядывает хоть какую-

нибудь возможность кому-либо спрятаться шутки ради, а женщины следом за ним, оглядываются, вот-вот схватятся за него от страха. Он виду не показывает, а и у него начинает хлоснуть под ложечкой.

— Да, не бойтесь, вот трусихи, ну вас! Сыгранем еще раз! нарочито весело говорит он, — пусть себе шутят, рано или поздно, а надоест.

Только начали играть, как в кухне опять — «трах», туда — посередине на полу лежит полено. Начальник милиции вскочил, схватил наган и кричит: — Давайте скорей свет! Бросились в кухню с лампой: все тихо, все заперто, никого нет, лежит куча поленьев у печи, лежит мыльница на раковине... и всё.

Вдруг треск, да какой! Начальник милиции кричит: — Перестань баловаться, сукин сын! Застрелю на месте! Что за шутки?

А тут, как-будто в ответ: «трррах»! Даже всё задрожало. Смотрят: на полу у их ног лежит та-же мыльница, секунду тому назад была на месте, а теперь на полу. Все ошеломенены, холод бежит по коже — ясно, что тут уже шутки человека не при чем. Можете себе представить их веселенькое положение и состояние!... Правда, ничего, им лично угрожающего, нет; их четверо, к тому же он вооружен... Состояние, однако, непередаваемое. А стуки, то слабые, то сильные раздаются в разных местах в помещении.

Стоят они среди комнаты, совещаются, что делать? И вдруг снова треск и грохот, — глядь: у ног их лежит скамеечка для ног. Тут уж волосы поднимаются дыбом...

Начальник милиции поднимает наган, кричит: — перестань, стрелять буду, последний раз предупреждаю! — Кричит, а сам себе криком поддает храбрости. В ответ на это опять — «трах»! Начальник милиции не выдержал: бах! — в стенку из нагана...

После, на допросе говорил, что мол нужно было показать, что не остановлюсь ни перед чем, что-бы шутник понял... а сам, вероятно, только поддал себе храбрости. Глянули они в тот угол, где загремело, видят: длинный кухонный нож тор-

чит в деревянном полу и от удара еще шатается... Тут уже все заорали и вон!...

Женщины бросились к соседям, начальник милиции на свою половину, вызывает по телефону немедленно наряд милиции. Оцепили дом, осмотрели всю квартиру, полезли и в конюшню, и на чердак, засели и в самой квартире. Всюду тихо, совершенно тихо, ничего мало-мальски подозрительного.

Наконец, проверив всё, сошлись в помещении хозяйки и решают, как быть. Женщины вернулись, умоляют не оставлять их одних, гостя так же остается ночевать, тем более, что домой на Лукьяновку идти уже поздно, да и страшно. Начальник района милиции дает им двух милиционеров для охраны и обещает сам еще доглядывать ночью.

Только стали расходиться, вдруг гром, да такой, что слышно было в соседних домах! Глядят: в комнате лежит перевернутая вверх ногами табуретка, затем опять упало полено и началась своего рода свистопляска: стуки, опрокидывание с грохотом предметов, самопроизвольное перемещение также с страшным шумом мелких и крупных предметов.

Дошло до того, что начальник милиции был облит грязной водой из умывального таза на раковинке, причем, как заметил он в своих показаниях, вода была нестерпимо вонючая...

Делать было нечего, женщин отвели в квартиру начальника милиции, а в помещении хозяйки остался на всю ночь наряд милиционеров.

Между тем вся округа заволновалась, рассказы женщин и других присутствующих взбудоражили всех. Некоторые стуки были слышны даже снаружи. Зимние вечера долги, спать еще рано, стали собираться толпы любопытствующего народа. Дали знать в Г. П. У.: ведь скандал — при советской власти, отрицающей всех богов и чертей, чертовщина орудует на глазах десятков людей! Где-же тут антирелигиозная пропаганда? И уж, конечно, это происки контр-революционеров!

Агент ГПУ приехал немедленно, всех допросил, женщину-гостью, которая показалась ему немного подозрительной, арестовал и увез, народ стали разгонять силой, объясняя толпе, что это случай массовой галлюцинации (а мокрый костюм начальнику милиции пришлось всё-таки переменить!).

На вторичном расследовании, на вопрос профессора Фаворского, почему агент ГПУ арестовал гостью, тот ответил, что — в конце концов нужно было что-то сделать, чтобы успокоить народ. Народ стал расходиться, в доме всё успокоилось, но не надолго. Всю ночь наряд милиционеров и соседи, которые не могли остаться равнодушными, были свидетелями необыкновенных явлений.

Всё время раздавались стуки, то из стен (именно из стен, так как в некоторых случаях слышали одновременно, стоя в кухне и в комнате: звук шел из отделявшей присутствующих друг от друга стены), то из-под пола, с потолка, отовсюду, даже изнутри стола.

Некоторые видели будто-бы мелкие летающие искорки. Самые различные предметы передвигались, опрокидывались, переносились из комнаты в кухню или наоборот совершенно самопроизвольно, при чем все это со страшным грохотом.

Но, что самое замечательное, никто ни разу не заметил самого передвижения, перелета предмета. Вот всё в порядке, вдруг грохот, — в комнате лежит полено из кухни. Самый факт налицо, но как он совершился — никто не имеет представления. Нельзя не указать также на то, что ни разу никто не был ушиблен, поврежден или ранен.

Среди милиционеров был один, некто Молочный, перешедший из полиции в свое время в милицию, человек невероятной храбрости; еще до революции однажды в городе произошел грабеж, преследуемые грабители забежали в одну из клиник университета в центре города и там забаррикадировались. Долгое время взять их не было никакой возможности, так как они были вооружены и отчаянно отстреливались. В конце концов заговорило самолюбие полицеймейстера — вызвали добровольца вломиться в помещение. Вызвался Молочный. Что и как произошло во время дальнейшей перестрелки внутри здания — никто не видел. Но результат был тот, что когда осмелевшие городовые бросились внутрь, услышав, что все успокоилось, то навстречу им вышел Молочный, ведя обоих, уже связанных грабителей.

Так вот, этот Молочный и здесь остался верен себе, — с толным хладнокровием присутствовал он при всем совершаю-